

Она не Я

Автор:

Амелия Борн

Она не Я

Амелия Борн

– Софи, ты сделаешь для меня кое-что?

Рука Кирилла ласково коснулась моих волос, погладила, пропуская гладкие пряди сквозь пальцы...

– Конечно.

– Перекрась, пожалуйста, волосы...

Моя жизнь никогда не была ни легкой, ни беззаботной. До тех пор, пока я не встретила состоятельного красивого мужчину, который чуть ли не в первую нашу встречу сделал мне предложение. Эта история казалась мне настоящей сказкой, но однажды я узнала страшную правду: все это время муж любил вовсе не меня...

И теперь, когда его настоящая любовь вернулась, я вовсе не уверена, что, поставленный перед выбором, он сделает его в пользу меня и нашей маленькой дочери...

Амелия Борн

Она не Я

Аннотация:

– Софи, ты сделаешь для меня кое-что?

Рука Кирилла ласково коснулась моих волос, погладила, пропуская гладкие пряди сквозь пальцы...

– Конечно.

– Прекрась, пожалуйста, волосы...

Моя жизнь никогда не была ни легкой, ни беззаботной. До тех пор, пока я не встретила состоятельного красивого мужчину, который чуть ли не в первую нашу встречу сделал мне предложение.

Эта история казалась мне настоящей сказкой, пока я не узнала страшную правду: все это время муж любил вовсе не меня...

И теперь, когда его настоящая любовь вернулась, я вовсе не уверена, что, поставленный перед выбором, он сделает его в пользу меня и нашей маленькой дочери...

Глава 1

– А у кого это сегодня день рождения?

Я склонилась над кроватью дочери и сердце затопила нежность: ну какая же она хорошенькая, маленькая... бесконечно моя...

Странно было вспоминать сейчас времена, когда Лилианы еще не было: в той, другой жизни, которая теперь казалась такой далекой, хотя с тех пор прошла всего пара лет.

Да, года два назад я не могла и вообразить, что моя скучная, ничем не примечательная жизнь, в которой редко случалось что-то хорошее, развернется на двести сорок градусов, преобразившись до неузнаваемости в тот день, когда в нее ворвется темноглазый незнакомец...

Я улыбнулась этой мысли, глядя в темные, выразительные глазки дочери, безумно похожие на глаза ее отца. Достаточно было просто поставить их рядом, чтобы безошибочно понять: это, несомненно, отец и дочь...

Мои мысли обратились к мужу. Было жаль, что в это праздничное утро, когда нашей дочке исполнился годик, его не было рядом. Кирилл всегда уезжал в офис очень рано, и если раньше я считала своим долгом готовить ему завтрак и провожать на работу, то теперь муж категорически мне это запрещал. Говорил, что нам с Лили нужен отдых и хороший сон...

Я порой не могла даже поверить, что это реальность, а не фантазия. Что этот красивый, успешный мужчина обратил внимание именно на меня, хотя мог выбрать любую, куда более подходящую ему по статусу и положению женщину...

Однажды я спросила его об этом прямо: почему я? Муж тогда странно напрягся от этого вопроса, а потом рассмеялся и сказал:

– Мы не выбираем кого любить.

И мне этого было достаточно. Хватало этого простого знания: меня любят, обо мне заботятся, меня ценят...

Конечно, были у Кирилла и недостатки: его забота порой оборачиваясь чрезмерной опекой, а любую, даже самую пустяковую ситуацию он всегда стремился строго контролировать... Но в сравнении с тем, что муж давал мне, это все казалось сущей ерундой...

– Ма-ма...

Дочь требовательно потянула меня за бретельку платья, и я очнулась от этих глупых размышлений, которые порой на меня накатывали. Улыбнувшись своему

маленькому счастью, я подхватила ее на руки и сказала:

– С днем рождения, солнышко.

Лили радостно рассмеялась, когда я громко расцеловала ее в пухлые щечки. Такая жизнерадостная, такая ласковая...

Как странно, что я поначалу и не думала, что так быстро после замужества стану мамой. Если бы муж не дал понять, что мечтает о крохе, вероятно, я бы и не держала сейчас в объятиях свою девочку...

– А что это тут у нас такое? – произнесла я, усадив дочку на свою постель. – Праздничное платьице!

Лили была такой красивой, такой трогательной и нежной, словно куколка... И мне бесконечно хотелось наряжать ее, постоянно покупать ей новые вещички... казалось, гардероб дочки уже был богаче моего собственного, а ведь ей исполнился всего лишь годик!

Я достала из шкафа чудесное пышное платье нежно-сиреневого оттенка, показала его своей девочке:

– Смотри, какая красота!

Дочка оценила фатиновую юбку по-своему: тут же потащила сетчатую ткань в рот и я едва успела отобрать у нее эту совсем несъедобную добычу.

– Нет-нет, – рассмеялась, покачав головой. – Это нельзя кушать.

Слово «нельзя» Лили явно не понравилось. Фыркнув, она отвернулась, а я, несмотря на высказанный мне протест, принялась бойко ее переодевать.

– Ну разве не чудесное платьице? – сказала, поднося дочку к зеркалу. – И ты у меня... такая чудесная!

Видимо, отражение Лили понравилось, потому что на личике снова расцвела улыбка.

– А теперь идем кушать! – провозгласила я и дочь одобрительно залепетала следом:

– Куф-куф!

После обеда мы с Лили играли в гостиной. Дочка старательно выстраивала из кубиков разноцветную башню, а я покорно подавала ей материалы, которые она требовала, указывая пальчиком на тот или иной предмет.

В этот момент, наблюдая, как Лили, высунув язычок и трудолюбиво пыхтя, пытается поставить на верхушку башни новый кубик, мне захотелось в миллионный раз запечатлеть ее на фото. А следом, делая очередной кадр, я вдруг подумала: у меня так много фотографий с дочкой на телефоне, и только несколько из них распечатано и поставлено в рамку... Так почему бы не завести для Лили отдельный альбомчик?

Я вспомнила: на чердаке было несколько семейных фотоальбомов, оставшихся от родителей мужа и мне вдруг нестерпимо захотелось достать их, очистить от пыли и забвения, вставить в старомодные прорези фотографии дочки: она ведь тоже теперь была частью этой семьи...

Показалось: Кириллу наверняка понравится эта идея. Загоревшись, я поспешно встала на ноги, поймав на себе недоуменный взгляд Лили и, погладив ее по голове, сказала:

– Мама сейчас вернется, ладно?

А потом окликнула помощницу по дому, которая приходила пару раз в неделю и сейчас так кстати как раз была рядом:

– Мария!

Румяная, пухлая женщина примерно пятидесяти лет, появилась на пороге гостиной почти мгновенно.

– Да, София?

– Мария, присмотрите, пожалуйста, за Лили. Мне нужно ненадолго отлучиться... хочу найти кое-что на чердаке.

– С радостью.

Мне совсем не нравилось, что муж нанял эту женщину: казалось ужасно постыдным и неловким, что кто-то помогает мне по дому, потому что я к подобному совсем не привыкла и чувствовала себя настоящей бездельницей в обществе Марии. Но сейчас была очень рада, что не придется тащить Лили с собой на грязный, пыльный чердак...

Ступеньки жалобно скрипели, пока я поднималась на самый верх: кажется, они совсем отвыкли от того, чтобы по ним ступала нога человека. Добравшись до двери, я попыталась ее толкнуть, но к своему изумлению обнаружила, что та закрыта. К счастью, после одного случая, когда у меня захлопнулся замок, я имела привычку носить ключи с собой, поэтому сейчас могла беспрепятственно попасть на чердак.

Здесь было темновато даже летнего дня: единственное небольшое окошко не пропускало достаточное количество света. Но я знала, где искать, поэтому легко сориентировалась даже в таких условиях.

При переезде в дом Кирилла, я осматривала каждое помещение и помнила, что альбомы должны лежать в старом комоде, высланном на чердак по причине своего не самого презентабельного вида и преклонного возраста. Хотя было заметно: когда-то это была очень красивая, дорогая вещь. Но муж не любил старинной вычурности, предпочитал новую, максимально удобную мебель...

И все же почему-то не выкинул этот комод, а хранил его здесь.

Я аккуратно потянула на себя верхний ящик и ликующе улыбнулась, когда внутри обнаружилось искомое. Не без труда я вытащила наружу два тяжелых альбома, обитых явно дорогой кожей...

И тут вдруг что-то привлекло мое внимание. Между лицевой стенкой и дном виделся странный просвет, будто кто-то неаккуратно собрал ящик, но в случае такой вещи это было попросту невозможно...

Я наугад, по какому-то неясному наитию, просунула пальцы в щель и вдруг нащупала небольшую кнопчку. А следом испуганно вздрогнула и отдернула руку, когда дно ящика резко отъехало, обнажая скрытую половину...

Там тоже лежал альбом. Как странно: к чему было скрывать столь обыденную вещь? Не задумываясь над своими действиями, я достала его и, положив на комод, открыла на первой попавшейся странице.

И тут мое сердце замерло, затаилось, застыло... а с первым судорожным вдохом резко оборвалось и упало куда-то в ноги.

С одной из фотографий на меня смотрело мое же собственное лицо. У девушки с фото были мои глаза, мои волосы, моя одежда.

Но вот странность: я совсем не помнила, чтобы позировала для этой фотографии...

Глава 2

Ноги чудовищно дрожали и подкашивались, когда я в обнимку с альбомами спускалась по лестнице вниз.

Очевидно, потрясение было ясно написано у меня на лице, потому что Мария обеспокоенно спросила:

– София, что-то случилось?

Я не без труда сосредоточила на ней взгляд. Стараясь говорить как можно тверже, ответила:

– Нет, все в порядке. Спасибо.

Я снова устроилась на ковре, на прежнем месте, как десятью минутами ранее. Только теперь казалось, что я – это и не я вовсе.

Альбомы в руках буквально прожигали ладони. Я отбросила их в сторону, но не могла так же легко выкинуть и из мыслей.

На фотографиях, несомненно, была именно я. Об этом говорило все: знакомые места, одежда, которую я прекрасно знала, мое собственное лицо на снимках, в конце концов!

Но меня безумно пугало то, что я не понимала, почему вижу эти фото впервые в жизни.

Я едва поборола желание немедленно набрать мужу. Останавливала только мысль, что это вовсе не телефонный разговор. А значит, придется ждать его возвращения домой.

– Ма...

Крохотные ручки требовательно обняли меня и тяжесть с души отступила, как по волшебству. Наверняка этим фотографиям есть простейшее объяснение. Нужно всего лишь поговорить с Кириллом...

А пока мне стоило сосредоточиться на дочери, которая нуждалась в моем внимании, как никто.

Время до вечера тянулось медленно, превращая каждую минуту ожидания в настоящую экзекуцию.

Но вот, наконец, послышался звук отворяемой двери, раздались так хорошо знакомые мне шаги и... голоса.

Похоже, муж вернулся домой не один.

Я нахмурилась и попыталась подавить мгновенно возникшее внутри недовольство. Сейчас был совсем не тот момент, когда я была рада видеть гостей.

Поспешные, резкие, решительные шаги приближались. Кирилл возник на пороге гостиной и сразу же воскликнул:

– А где же папина принцесса? Где моя Лилиана?

Он сделал вид, будто ищет глазами дочку, даже шутливо заглянул под стол: это была игра, которая очень нравилась Лили. Она тут же поковыляла к отцу, требовательно дернула его за штанину, показывая: да вот же я!

– Ах, вот ты где!

Кир подхватил Лилиану на руки, закружил в объятиях и ее беззаботный, счастливый смех наполнил собой комнату. Я, как и всегда, залюбовалась ими обоими: они были так похожи... так бесконечно довольны друг другом.

Следом за мужем в комнату вошли его друзья – Тимур и Тоня, которые, по совместительству, были крестными родителями Лили, и тут же направились к дочке.

Я поднялась на ноги, чувствуя себя в этот момент немного... забытой всеми. Чтобы как-то стряхнуть с себя это чувство, сказала:

– Тимур, Тоня, привет. Рада вас видеть.

Мне вежливо кивнули в ответ. Странно, но у меня до сих пор возникало чувство, будто эти люди до конца меня не приняли.

Зато муж наконец заметил мое присутствие. Подошел ко мне с Лили на руках, оставил на губах жаркий поцелуй и шепнул:

– Я соскучился. По вам обеим.

И мне, как и всегда, было этого достаточно, чтобы снова воспрять духом. Чтобы ощутить себя важной и нужной...

– Пойду накрою на стол, – обронила коротко, оставляя мужа и гостей за беседой о том, как Лили выросла с того последнего раза, как Тимур и Тоня ее видели.

Весь ужин я испытывала чудовищное напряжение, но старалась делать вид, что все в порядке ради своей девочки.

Конечно, она наверняка и не вспомнит этот первый свой день рождения, но ведь останутся фото. И мне вовсе не хотелось выглядеть на них мрачной и недовольной.

Когда Кирилл торжественно внес пышный торт, заказанный специально для Лили, я нашла в себе силы улыбнуться, отбросить тяжелые мысли хотя бы на эти мгновения, когда моя дочка задувала первую в своей жизни именинную свечу.

Лили радостно смеялась и старательно раздувала щечки, беря пример с меня и Кирилла, и общими семейными усилиями мы наконец погасили свечку с цифрой «один».

Дочка тут же потянулась к тарту, желая испробовать его на вкус и пришлось перехватить ее ручки прежде, чем она проглотила бы лишнего.

Мы снова устроились за небольшим столом: Кирилл во главе, я – напротив него, а Лили на своем стульчике – со мной рядом. Тимур и Тоня сидели по бокам.

Я вяло ковыряла весьма аппетитный с виду торт ложкой и едва прислушивалась к разговору, пока меня не окликнул Тимур:

– Юль... ой, Сонь, передай мне, пожалуйста, сахар.

Я замерла на мгновение с поднесенным к губам стаканом воды. Со стуком поставив его на стол, холодно проговорила:

– Тимур, я ведь просила называть меня Софией. Софой, Софи, но только не Соней. Мне не нравится это обращение. Это так сложно запомнить?

Все потрясенно замолчали, словно никто не ожидал подобной вспышки. Словно только теперь вообще заметили мое присутствие.

– Извини... София. Так ты передашь сахар?

Я молча пододвинула к нему сахарницу. Накатило чувство стыда: может, зря я так с человеком? А с другой стороны, почему он до сих пор не потрудился запомнить мое имя?

К счастью, этот инцидент имел и положительные последствия: довольно скоро гости засобирались домой и вот, наконец, мы с мужем остались одни. Друг напротив друга.

Я поймала на себе его тяжелый, строгий взгляд.

– Что это было, Софи? – спросил он недовольно. – Что на тебя нашло такое?

Обычно я старалась ему угодить, никогда не шла на открытый конфликт... но сейчас вдруг не выдержала.

– Действительно, что это было? – парировала с сарказмом. – Почему твой друг до сих пор не может запомнить, как меня зовут? Как он меня назвал, Юлей? Это нормально, по-твоему?

Челюсти Кирилла сжались, на лице заходили желваки.

– Это не причина срываться...

– Я ответила ему вполне вежливо. Но у меня, если хочешь знать, имеются причины для срыва.

Я порывисто встала из-за стола и прошла в гостиную за альбомом. Вернувшись, бросила его прямо перед мужем и спросила:

– Что это за фото, Кир?

Он раскрыл альбом и на долю секунды мне показалось, что при соприкосновении с ним пальцы его едва заметно дрогнули.

Некоторое время он всматривался в одну из фотографий, потом поднял на меня глаза и нарочито спокойно произнес:

– Не понимаю, к чему ты ведешь. Это твои фотографии.

Я покачнулась на месте и вцепилась в край стола, чтобы не упасть. Но мгновением спустя от греха приземлилась на соседний стул.

И самой себе показалась какой-то ненормальной, когда сказала:

– Но я их не помню. Не помню, чтобы позировала. Не помню, чтобы вообще видела эти фото...

Рука мужа накрыла мою в успокаивающем жесте.

– Эти фото сделаны на заднем дворе нашего дома. Фотографировал я сам. И напечатал снимки тоже я. Поэтому ты, наверно, просто о них забыла. К чему так волноваться?

Его спокойный, мягкий голос мгновенно заставил меня почувствовать себя глупо. Может, все действительно объяснялось вот так просто, самой обычной рассеянностью?

Кирилл погладил внешнюю сторону моей ладони большим пальцем, добавил с непоколебимой уверенностью в голосе:

– Это ведь было, кажется, пару месяцев спустя после рождения Лилианы. Для женщины в послеродовой период нормально быть... немного не в себе.

Это звучало разумно. Во всяком случае, никаких иных объяснений я себе представить не могла. И все же кое-что меня беспокоило...

– Но почему тогда этот альбом оказался на чердаке? В потайном ящике?

Муж равнодушно пожал плечами:

– Наверно, просто провалился туда. Да так и остался в комодке, когда его перетаскивали на чердак.

Я кивнула, принимая это объяснение. На душе стало немного спокойнее...

– Не думай о такой ерунде, – шепнул мне Кирилл и, взяв меня за подбородок, заставил посмотреть ему в глаза. И под действием этого порочно-манящего взгляда, все мысли мгновенно вылетели из головы, сменившись пожаром, начавшим распространяться от живота и – по всему телу...

– Давай уложим Лилиану спать и... пойдём к себе, – шепнул мне Кирилл в самые губы и с последующим поцелуем глупые тревоги окончательно отступили...

Осталось лишь желание, которое он всегда так мастерски во мне будил...

Глава 3

Когда страсть утихла и муж мирно уснул, откинувшись на соседнюю подушку, я еще долго смотрела на его лицо, очерченное смесью темноты и лунного света, проникавшего в окно.

На губах дрогнула улыбка. Как его можно было не любить? Кажется, у меня не было ни единого шанса устоять в тот день, когда он так неожиданно ворвался в мою серую жизнь. Такой красивый, уверенный в себе, притягательно-настойчивый...

Никогда бы не подумала, что смогу привлечь внимание подобного мужчины. В голову снова полезли мысли: ну что он нашел во мне, простой продавщице из небольшого магазинчика?..

Но, видимо, Кирилл разглядел что-то, совсем недоступное другим. Открыл мне новую жизнь, окружил любовью и вниманием... Практически создал меня нынешнюю, как Пигмалион – свою Галатею.

Мне стоило радоваться и ощущать себя счастливой, но... в эту ночь я не испытывала ни одного из этих чувств. Только неясную, непонятную тревогу...

Мысли раз за разом возвращались к нашему разговору после ужина. Казалось, муж нашел очень простое и разумное объяснение моей находке. Но что-то все же упорно не давало мне покоя...

Неужели я и впрямь могла забыть о том, как Кирилл меня фотографировал? Это казалось довольно необычным явлением: я не слишком-то любила фоткаться, и все кадры с моим участием можно было пересчитать по пальцам рук...

На душе снова заскребло. Гонимая этим безумным непокоем, я поднялась с постели и протопала босыми ногами на кухню...

Альбом по-прежнему лежал на столе. С неприятным чувством какой-то неясной мне самой угрозы, я снова распахнула его, взгляделась в фотографию...

И по коже невольно пробежал мороз. Девушка на фото так уверенно улыбалась в камеру, явно наслаждаясь вниманием и восхищением того, кто ее фотографировал...

Разве я так могла?.. Неужели это мои губы так кокетливо изгибались, а глаза – призывно блестели?

Мучительно застонав, я захлопнула альбом. Почему каждый раз, глядя на свое собственное лицо на этих снимках, я чувствовала себя так, словно оно мне не принадлежало?..

Я сделала несколько вдохов и выдохов, пытаюсь унять кажущееся параноидальным беспокойство. Снова открыла фотоальбом, пролистала...

Он был заполнен не весь. Помимо нескольких моих фото, здесь больше ничего не было. И я даже себе самой не могла объяснить, что именно тут искала раз за

разом...

Сдавшись, я бессильно опустилась на стул, подтянула поближе всегда стоявшую на столе бутылку воды и жадно глотнула. Обняв себя за плечи, осмелилась хотя бы в уме задать себе пугающий вопрос...

Неужели я сходила с ума?..

Ну а как еще объяснить, что я не помнила ни этих фото, ни того, что могла вести себя так... раскрепощенно? И что куда страшнее – что еще я могла сделать в подобном состоянии, а потом забыть?..

От предположения, что у меня начались провалы в памяти, стало жутко. Уронив голову на руки, пытаюсь хоть как-то успокоиться, я стала мысленно листать в уме месяц за месяцем, неделю за неделей, день за днем: все то время, что прошло с момента рождения Лили...

Мне казалось, я помню все достаточно четко. Первый крик дочки, первые шаги, первые слова... Эмоции, которые при этом испытывала...

Я помнила, в каком платье вернулась с ней домой. Помнила, как была одета в день ее крестин...

Но не помнила этого дня на заднем дворе дома!

Конечно, это был весьма обыденный эпизод, который легко можно было забыть. Тем более, как говорил муж, в послеродовой период...

Но ведь я не испытывала тогда ничего, похожего, например, на депрессию. Не ощущала, что я не в себе, не была рассеянна и разбита...

Конечно, оказалась не совсем готова к материнству, но разве есть те, кто полностью к этому готов?.. Кто знает наперед все ответы на вопросы, касающиеся того, как растить ребенка, как поступать в новых для себя ситуациях?

Шаг за шагом, так же, как Лили училась ходить, я, в свою очередь, училась быть мамой. И ни о чем не жалела. И уж точно не страдала ни от каких психологических проблем...

Или я и этого... просто не помнила?..

Нервно сглотнув, я призналась себе самой: похоже, мне нужна была помощь. Возможно, утром стоит поговорить с мужем насчет того, чтобы обратиться к специалисту...

Остановившись на этой мысли, я поднялась со стула и направилась обратно в спальню.

Туда, где сейчас сладко спали самые дорогие для меня люди.

Мой муж и моя дочь...

Глава 4

– Доброе утро.

Муж удивленно приподнял брови, когда я поднялась ему навстречу из-за кухонного стола. Замерев на месте, подождала, пока Кирилл подойдет и так привычно коснется губами щеки, дразняще поцелует в уголок губ... Жадно вдохнула его столь родной для меня запах, находя в этом весьма необходимое мне сейчас успокоение.

– Что-то ты рано, – с легким неодобрением заметил муж, когда я отвернулась, чтобы налить ему свежесваренный кофе. Крепкий, черный, без сахара.

– Хотела поговорить, – призналась негромко, присаживаясь на стул с ним рядом.

Порой меня даже пугала собственная потребность в его внимании. Казалось, я постоянно нуждалась в подтверждении его любви, как верная собачка – в

одобрении хозяина, и хотя он никогда не позволял мне сомневаться в своих чувствах, я... изредка, но все же чувствовала себя так, словно место, которое занимаю в его жизни, мне не принадлежит. Дурные, иррациональные мысли, которым не было никакого разумного объяснения. В которых не было никакой логики...

Наверно, меня просто беспокоила невидимая пропасть между нами. Точнее, между тем, кем был он и тем, кем была я до встречи с ним. Два таких разных мира... Что, если однажды он вспомнит, насколько я на самом деле ему не соответствую?..

Черт, возможно, я действительно была не в порядке. Иначе откуда эта внезапно одолевшая разум паранойя?

– Ты хотела поговорить, – напомнил мне Кирилл, так и не дождавшись от меня продолжения. – О чем?

Я нервно покусала губы, обдумывая, с чего начать. Совсем не хотелось, чтобы собственный муж счел меня сумасшедшей, но... кому еще, как не ему, я могла довериться?

– Я почти не спала этой ночью, – выдавила наконец из себя. – Все думала о тех фото...

Муж со стуком поставил чашку на стол, вздохнул, неодобрительно покачав головой.

– Не понимаю, почему они тебя так взволновали. Это всего лишь фотографии, Софи. Господи, да каждый человек нынче делает десятки снимков на смартфон за день! Думаешь, люди потом помнят, что они фоткали или кто фоткал их?

Я засомневалась, стоит ли продолжать тему дальше. Но страх, что со мной что-то не так, все же заставил меня сказать:

– Я – не какие-то там люди, Кир. Я не люблю фоткаться и делаю это нечасто, поэтому не понимаю...

Я оборвалась, сделала глубокий вздох, и, поморщившись, перешла сразу к сути.

– Впрочем, неважно. Я просто боюсь – а что, если это не единичный случай? Может, у меня что-то с памятью... может, есть что-то еще, что я забыла...

Было страшно поднять глаза и обнаружить, что муж смотрит на меня, как на мнительную дуру. Или вообще ненормальную.

Но в его глазах не было ничего подобного. Только искренняя обеспокоенность... и в груди у меня дрогнуло от благодарности за то, что он не смеется надо мной. Не отмахивается от моих страхов, как от какой-то глупости...

– Софи, милая, я не думаю, что у тебя какие-то серьезные проблемы, – проговорил он размеренно. – Но если ты сама чувствуешь, что что-то не так, значит, следует предпринять какие-то меры...

Я выдохнула с откровенным облегчением. Улыбнулась:

– Как раз об этом я и хотела поговорить. Может, мне стоит посетить какого-то специалиста? Я не знаю... Психолога? Или психотерапевта... Кто может с этим помочь?

Муж задумчиво постучал пальцами по поверхности стола, что-то напряженно обдумывая, и через некоторое время решительно сказал:

– Давай начнем с психолога. Уверен, что он развеет твои тревоги и никакая, более серьезная помощь, тебе абсолютно не понадобится.

Я с готовностью кивнула:

– Хорошо...

– У меня даже есть один знакомый специалист. Я запишу тебя к нему. Если получится – то на эту субботу. Тогда я смогу сам довезти тебя до места, а потом подожду в машине с Лилианой, пока ты будешь на приеме.

Я порывисто поднялась на ноги, с чувством обняла человека, который был так ко мне внимателен...

– Спасибо. Я рада, что смогу попасть к проверенному человеку.

Муж улыбнулся в ответ, но взгляд у него при этом был отсутствующий. Вероятно, он уже переключился на мысли о работе...

Я покорно вернулась на свое место, чувствуя, как от понимания и поддержки близкого человека на душе становится легче. Наверняка Кирилл был прав. Я просто надумала себе лишнего...

Какое же это счастье – встретить того, кому можно доверить любые тревоги. И как странно, пугающе думать, что в тот день, два года назад, он мог просто пройти мимо и мы никогда не узнали бы друг друга...

Глава 5

Два года назад

Крупные капли дождя остервенело барабанили по асфальту, отскакивали от твердой поверхности, обдавая ноги ледяными брызгами. Противная, холодная влага заползала за воротник, заставляя морщиться от неприятных ощущений и прибавлять и без того поспешный шаг.

Я зябко поежилась и попыталась поднять ворот плаща повыше, но это не спасало. Майская гроза во всем своем великолепии, чтоб ее!

Перепрыгнув через лужу, облегченно выдохнула: в поле зрения наконец показался козырек магазина, в котором я трудилась и который уже десять минут как должен был быть мной открыт.

Я вбежала вверх по лестнице, на ходу нащупывая в кармане ключи. Магази́нчик располагался на первом этаже обыкновенного жилого дома и в обычное время я проклинала судьбу за то, что вынуждена трудиться в столь... неоднозначном месте за сущие копейки; но в данный момент была рада наконец просто оказаться в сухом и чистом помещении.

Хоть и в весьма своеобразном антураже.

Я едва успела стянуть с себя насквозь вымокший плащ и встать за кассу, как колокольчики над дверью предупреждающе зазвенели, возвещая о первом посетителе.

И кому только не терпелось с утра пораньше обзавестись нашей продукцией?!

Вид вошедшего в магазин мужчины меня поразил: высокий, хорошо одетый, мужественно-привлекательный. Легкая небритость добавляла его лицу серьезности, даже суровости. Густые широкие брови не скрывали огромных карих глаз с неприлично длинными для мужчины ресницами, при одном взгляде на которые любая женщина умерла бы от зависти. С его шоколадного оттенка волос стекали капли дождя: видимо, он, как и я, вышел из дома без зонта. Но вот несправедливость: влажные, чуть вьющиеся пряди только добавляли ему притягательности. В то время как я, наверно...

Ой! Я едва не выругалась вслух, представив, как выгляжу сейчас перед ним: с мокрыми волосами, повисшими паклями вдоль лица, с наверняка поплывшим макияжем...

Я застыла в ужасе, не зная, что сказать или сделать. Мой странный вид подтверждало и то, как незнакомец смотрел на меня: пораженно, ошарашенно... и было что-то еще в его глазах, неписавшееся с этой ситуацией. Он словно... что-то искал во мне. До того пристально вглядывался в лицо, ввергая меня в еще большее смущение от того, в каком виде я перед ним предстала.

Но терять было уже нечего. Поэтому я вобрала в легкие воздуха, смахнула с лица липнувшие к коже пряди и выпалила:

– Здравствуйте! Я могу вам чем-то помочь?

Откровенно говоря, мужчина был совсем не похож на типичного клиента магазина интимных товаров, которые я и продавала. К чему ему все эти штуки, когда, должно быть, хватало одной лишь его улыбки или взгляда, чтобы с ним пошла любая?

Эта мысль меня разозлила. Хороша я тоже! Пялюсь на него, не отрываясь, словно мечтаю стать одной из его подружек-однодневок!

Сжав зубы, я снова заговорила, так и не дождавшись от посетителя ответа:

– Простите, но у нас тут не укрытие от дождя и не выставочный зал. Если вы не намерены ничего покупать...

Я повесила в воздухе многозначительную паузу, и только тогда незнакомец огляделся по сторонам, словно лишь сейчас вообще понял, где оказался.

Его брови слегка приподнялись при виде окружающих его товаров интимного назначения, но выражение лица осталось ровным. Он решительно шагнул ко мне ближе, и я буквально всей кожей, всем существом ощутила на себе его взгляд и исходившую от него ауру силы и властности. Тем удивительнее было услышать вдруг:

– Простите. Я просто увидел вас на улице и... пошел за вами.

Подобное признание прозвучало бы странно от кого угодно, но из его уст отчего-то совсем не казалось таковым. Скорее, наоборот: эти слова заставили меня почувствовать себя какой-то... особенной?..

– И зачем же? – выдохнула, с ужасом сознавая, что голос звучит хрипло.

– Хотел... познакомиться.

Я не без труда перевела дух. Абсурдность ситуации наконец стала до меня доходить: я стою за кассой магазина интимных товаров, мокрая и грязная, а незнакомый красавчик в шикарном костюме говорит, что бежал за мной следом, горя желанием познакомиться!

Не выдержав, я рассмеялась. Над самой собой – в первую очередь.

Но его лицо осталось серьезным.

– Почему вы смеетесь? – поинтересовался он лаконично.

Я не стала отвечать на этот вопрос. Не было настроения унижать себя в глазах шикарного мужчины, пусть тот и потешался надо мной сам!

– Я на работе, – произнесла вместо этого строго. – Поэтому, извините, но...

Договорить не успела. Потому что именно в этот самый момент мужчина порывисто схватил одну из стоявших у кассы корзин и стал беспорядочного бросать туда все, что только попадалось под руку, не глядя ни на сам товар, ни на его ценник.

Что уж скрывать – это весьма меня впечатлило.

– Вот! – он со стуком опустил полную до верха корзину передо мной. – Я беру это все и еще полмагазина в придачу, если потребуется. Или вообще весь! Теперь я могу претендовать хотя бы на пять минут вашего времени?

Я потрясенно посмотрела на корзину, потом на него. Не без труда стряхнув с себя это чувство, бодро затараторила:

– За такую щедрую покупку я просто обязана дать вам самую подробную консультацию!

Выватив из корзины первый попавшийся товар, продолжила:

– Вот, например, эта модель... прекрасный выбор! Универсальный размер, несколько режимов работы...

Его рука так внезапно накрыла мою, что я вздрогнула, а по всему телу со скоростью света пронеслись мурашки.

– Просто поговорите со мной, – произнес он низким глубоким голосом, и я почувствовала, как под его действием моя воля окончательно тает.

– О чем? – только и спросила негромко.

– Например, о том, куда бы вы хотели пойти на свидание, – улыбнулся он, но как-то коротко, скупое, словно совсем отвык это делать.

– Вы это серьезно? – выпалила первое, что только пришло на ум при этом предложении.

– Очень серьезно. И отказа я не приму. Не вынуждайте меня переходить к долгой и томительной осаде.

Я едва не расхохоталась: такой мужчина и собирался брать штурмом меня?

Тем временем, он бросил быстрый взгляд на дверь и снова заговорил:

– Вижу, вы работаете до девяти. Я заеду за вами к этому времени.

– Сегодня?..

Его ответный взгляд меня опалил: так, что даже в мокрой одежде вдруг стало безумно жарко.

– А к чему ждать? Не хочу, чтобы вас увел кто-то другой.

– Вы даже имя мое не спросили...

– София. У вас на бейджике написано.

– А вы?..

– А я – Кирилл. Ваш будущий муж...

Глава 6

– Присаживайтесь, пожалуйста.

Секретарша, встретившая меня в приемной психолога, порекомендованного мужем, приветливо улыбнулась и указала на диванчик. Я коротко мотнула головой – садиться не хотелось. Слишком нервничала сейчас, чувствуя себя неуютно и неуверенно. Напуганная, взволнованная, встревоженная.

Хоть и повторяла себе все последние дни, что Кирилл прав и ничего страшного со мной не происходит, сама же до конца в это и не верила. Всем существом ощущала – что-то не так...

– Вы у меня?..

Секретарша взгляделась в монитор и я коротко подсказала:

– Баженова.

– Да, вижу. Лев Константинович скоро пригласит вас. Может, чая или кофе?

Конечно, этот вопрос был данью вежливости, простой условностью, но меня затошнило при одной только мысли о напитках. Ну какой чай или кофе? Я и дышала-то сейчас с трудом.

– Нет, спасибо.

Я отошла к окну, чтобы хоть как-то собраться с силами. Но долго на месте не устояла: принялась мерить приемную шагами, не зная, как еще выплеснуть скопившееся внутри напряжение.

Когда в очередной раз развернулась, собираясь снова проделать путь от окна до стола секретарши, дверь кабинета наконец распахнулась, и на пороге появился мужчина.

Я мельком оглядела его: высокий, даже слишком. Метра под два ростом, должно быть. Крупные черты лица, которые совершенно парадоксально его не портили, а добавляли внешности какого-то особенного шарма. На носу – очки, за стеклами которых светились голубые глаза. Самого безмятежного оттенка неба, что я только видела за всю жизнь.

Разглядывая его, я не сразу заметила, что он так же пристально рассматривает меня в ответ. И чем дольше это тянулось, тем темнее становились его глаза, постепенно превращаясь из безмятежной лазури в грозное облако.

– Проходите, пожалуйста, – коротко произнес он мелодичным, хорошо поставленным голосом, словно был не психологом, а профессиональным диктором.

Я покорно проследовала в кабинет. Проходя мимо него, невольно отметила, как интересно от него пахло: мокрым асфальтом и какими-то строгими, горькими цветами – влажными, диффузными, как после только что прошедшего дождя...

А еще я ощутила, как тяжело, неровно он задышал вдруг в тот момент, когда я с ним поравнялась.

Перешагнув порог, я на миг замешкалась, не зная, куда дальше идти и что делать.

Он молча указал мне на кресло. Присев, я подняла на психолога глаза и, не имея понятия, с чего начать, проговорила:

– Меня зовут София, я...

Его глаза впились в меня острыми иглами, вгрызлись с неясной мне пытливостью, почти вызовом. Он резко перебил:

– Вы хотите, чтобы я называл вас Софией?

Вопрос прозвучал странно. Я не понимала, как на это реагировать, поэтому сказала просто:

– Это мое имя.

Он оттолкнулся от стены, у которой до сих пор стоял, занял свое место за столом. Не глядя, схватил первую попавшуюся ручку и задумчиво повертел ее в руках. Словно тоже не знал, как вести себя со мной. И это было странно...

– Мой муж порекомендовал мне вас...

Его брови взлетели вверх, гроза, бушевавшая в глазах, устремилась на меня.

– Вот как? – переспросил отрывисто. – Ваш муж?

– Кирилл... Баженов, – ответила, окончательно теряясь от происходящего.

– Я знаю, кто ваш муж, – хлестко отрезал он. – Я просто пытаюсь понять, в какую игру ты... вы играете.

Я застыла. Видела этого человека впервые в жизни, но чувствовала себя так, словно была в чем-то перед ним виновата. Будто он меня в чем-то обвинял... Не открыто, но между тех скупых фраз, которыми мы успели обменяться.

– Я ничего не понимаю, – призналась, ощущая еще большую нервозность от всего этого странного диалога. – Мне нужна помощь, поэтому я пришла к вам, но если вы не настроены...

Я стремительно встала с места, но он успел раньше: крупная, сильная ладонь опустилась на мое плечо, вынуждая снова сесть, взгляд сменился на испытующий...

– Вы не помните меня? – спросил он, внимательно наблюдая за моей реакцией.

Голова мгновенно пошла кругом.

– Нет... а должна?

– Мы встречались раньше... София. Вы уже приходили ко мне на прием.

Услышав эти слова, я содрогнулась всем телом. Дрожь ужаса пробежала по рукам, коснулась колен... я ощутила, как трясется даже мой подбородок, когда я попыталась открыть рот в бесплодной попытке что-то сказать, возразить...

Но не смогла выдать ни слова.

Но это ведь было невозможно! Я панически оглядела кабинет психолога, пробежала глазами по окружающим меня предметам, но совершенно не узнала ни обстановку, ни самого этого человека. Я никогда не была здесь раньше!

В конце концов, если бы это было не так, Кирилл ведь предупредил бы меня об этом, правда?

Эта мысль показалась мне спасительной. Я упрямо встряхнула головой, на удивление твердо сумела возразить:

– Вы ошибаетесь. Я впервые вас вижу.

Его лицо скривилось, словно в приступе боли, но лишь на миг. Такой короткий, что это могло оказаться просто игрой воображения.

– Что ж... – медленно, размеренно проговорил он в ответ. – Тогда давайте знакомиться заново. Меня зовут Лев...

– ...Константинович, – тут же добавила я.

– Для вас – просто Лев. И с чем же вы ко мне пришли, София?

Он выжидательно посмотрел на меня сквозь прозрачные стекла очков, а я в ужасе подумала о том, что после слов, которые сейчас произнесу, моя недавняя бравада не будет стоять и ломаного гроша...

Но ведь мне нужна была помощь. Я пришла сюда именно за этим. И разве не потому находилась в этом кабинете, что подспудно боялась того, что в итоге и услышала? Того, что есть еще вещи, помимо тех фото, которые я делала и потом не помнила?

Он ждал молча. Так терпеливо, словно у него было на меня все время мира.

Ощущая, как снова начинают предательски дрожать руки, я едва слышно призналась:

– Кажется... у меня бывают провалы в памяти.

Глава 7

Когда вышла из кабинета психолога после приема, чувствовала себя ничуть не спокойнее, чем до этого. Совсем напротив: смутные страхи, одолевавшие разум в прошлые дни, только усилились, превращаясь в почти навязчивое состояние. Они множились во мне, душили изнутри, мешали спокойно и трезво мыслить...

Мы проговорили со Львом около часа, но я не испытала от этой беседы ни малейшего облегчения. Он не пытался утешить, успокоить или что-то объяснить; он лишь задавал вопросы, внимательно выслушивал ответы и делал пометки в своей записной книжке. Он словно изучал меня, и в его взгляде, старательно равнодушном, порой мелькали огоньки интереса, казавшегося мне не просто профессиональным. Чудилось, что он пытается проникнуть в мои мысли, будто ему было мало того, что произносили губы.

«Нужно немного понаблюдать, София», – только и сказал он в итоге. –
«Встретимся снова на следующей неделе».

Я осознала, что так и стою у его двери, не в состоянии сдвинуться с места. Сделав глубокий, лихорадочный вдох, я старательно толкнула свое тело вперед. Нужно выйти на воздух... Нужно просто оказаться рядом с теми, кого люблю – и весь этот кошмар развеется сам собой...

Я уже была на пороге приемной, когда секретарша вежливо кинула мне вслед:

– Всего доброго!

Ее голос заставил остановиться, замереть. В сознании мелькнула странная мысль: а может, этот Лев сам был не в себе?.. Может, он с кем-то меня перепутал или... или что угодно еще! Любое объяснение, любой шанс на то, что я вовсе не сумасшедшая.

Я повернулась к девушке за столом, и, не раздумывая, выпалила:

– Простите, могу я спросить кое-что?

– Конечно, – последовал вежливый ответ в сопровождении дежурной улыбки.

– Вы давно здесь работаете? На Льва Константиновича?

– Достаточно... уже почти пять лет.

Я ухватила за ее ответ, как за ниточку к спасению. Подалась ближе, нависла над столом в приступе надежды...

– Вы помните меня?

Она взглянула удивленно.

– Да, конечно.

Этот ответ выбил из легких весь воздух. Слабеющим голосом я уточнила:

– Я приходила на прием к доктору и раньше?

– Да. И не раз.

Я отчаянно оттолкнулась от стола, поднесла дрожащую руку к глазам, словно этим жестом можно было укрыться от всего этого безумия...

– До свидания, – бросила коротко, порывисто шагая за порог.

Дверь за мной захлопнулась и с этим звуком тело словно покинули все силы. Я оперлась на стену в поисках опоры, давая себе возможность выдохнуть...

И стала невольной свидетельницей чужого диалога.

– Вика, покажи мне, пожалуйста, запись этой клиентки, – раздался голос Льва.

Тяжелые, решительные шаги раздались настолько близко, что я невольно отшатнулась, ожидая быть пойманной с поличным.

Но шаги быстро замерли. И я просто не смогла отказать себе в том, чтобы послушать дальше...

– Баженовой? – уточнила секретарша.

– Да. Как она записана, под каким именем?

До меня донеслось щелканье мышки, и после паузы, во время которой я боялась сделать даже вдох, голос Льва наконец произнес с досадой:

– Черт...

Его шаги сделались злее, громче. Хлопнула дверь... и в этот момент я сорвалась с места, с неизвестно откуда взявшейся силой, стремясь поскорее оказаться подальше от этого человека... хоть и понимала, что не смогу сбежать от самой этой ситуации. Все более пугающей и непонятной...

Муж, как и обещал, ждал меня в машине. Лилиана сидела у него на коленях, с любопытством глазев по сторонам. Увидев их, таких родных, самых важных для меня людей на свете, я ускорила шаг, почти перейдя на бег. И смогла успокоиться только тогда, когда оказалась на пассажирском сиденье. Когда поймала на себе озабоченный, но такой теплый взгляд мужа...

– Дай мне ее, – взмолилась первым делом, едва дыхание немного выровнялось после бега.

Муж покорно передал мне малышку и я прижала ее к себе, находя столь необходимые мне сейчас силы в запахе ее волос, ощущении нежной кожи щечек, к которым прижалась губами...

– Ма-ма, – произнесла Лили, словно чувствуя, что что-то не так. Она обеспокоенно заворочалась в моих объятиях, но я лишь крепче обняла в ответ, отдавая и принимая нежность – ту особую нежность, что возможна лишь между матерью и ее ребенком.

– Ну как все прошло? – спросил муж, наблюдая за нами.

Я внезапно всхлипнула. Даже не отдавала себе отчета до этого момента, что из глаз вдруг покатились слезы.

– Все плохо, – выдохнула честно и прямо. – Лев сказал, что... я уже бывала у него раньше. Но я этого не помню. Не помню вообще!

Вместе с последней фразой наружу вырвалось отчаяние. Я подняла на мужа полный мольбы взгляд, спросила беспомощно:

– Это правда? Ты уже привозил меня к нему?

Лицо Кирилла слегка побледнело, щека нервно дернулась.

– Нет, – ответил он глухо. – Я ничего не знал о... твоих визитах сюда.

Меня накрыла паника. Она разливалась по всему телу нервной дрожью, кружила голову, путала сознание...

– Что теперь будет? – спросила я жалобно, сама боясь ответа на этот вопрос.

Слишком многое в нем крылось: все страхи за будущее, тревога за близких... и то, что не хватало духу произнести вслух: насколько опасным может быть мое состояние для тех, кто рядом?..

– Я отведу тебя к другому специалисту, – резко и решительно постановил муж. – Все будет хорошо. Я не допущу, чтобы с тобой что-то случилось.

Он подался к нам с Лили, обнял меня за плечи и притянул к себе, заключая в защитный кокон, словно готов был спасти от всего и вся, что могло мне угрожать...

Вот только угроза ведь таилась во мне самой.

– А что если я... схожу с ума? – произнесла едва слышно.

Его объятия, его голос остались все такими же твердыми.

– Мы со всем разберемся. Вместе. Я буду рядом, что бы ни случилось...

Эти слова должны были утешить, но на душе отчего-то сделалось еще тяжелее, еще тоскливее...

Имела ли я право на такую преданность, должна ли была ее принимать?..

Глава 8

Как бы ни поддерживал меня муж, как ни пытался утешить и успокоить, а каждое новое происшествие, каждый открывающийся мне факт о себе, которого не помнила, оставляли внутри невидимые глазу, но разъедающие, разлагающие психику язвы.

И все, что мне оставалось в этой ситуации – это слепо верить, что я, несмотря на провалы в памяти, неспособна ни на что дурное. Что ни в каком случае не смогу причинить вред родным и себе самой.

Но чем дальше, тем слабее мне в это верилось. И на этом фоне казалось порой странным и ненормальным спокойствие мужа и его уверенность в том, что ничего страшного не случится. Что он сумеет уберечь меня и Лили...

Я боялась самой себя, а он оставался несправедливо невозмутимым. Или просто умело держал лицо, чтобы не нервировать меня еще больше?..

Хотелось завывать. Отхлестать себя по щекам, чтобы таким нехитрым способом привести голову в порядок. Мало того, что я сомневалась в себе, так теперь еще и допускала такие возмутительные мысли в отношении мужа. Человека, который просто хотел мне помочь...

Среди всех тяжелых мыслей, что вертелись в голове, сводя с ума, я отчаянно пыталась найти хоть одну спасительную. Хоть какую-то надежду...

Тело вдруг пронзила дрожь. Я вспомнила!

Подскочив в постели, кинула взгляд на спящего мужа, чтобы убедиться, что не разбудила его. Кирилл продолжал крепко спать и тогда я спустила ноги на пол, тихо прокралась в гардеробную и включила там свет.

Что-то не давало мне покоя. Только теперь я поняла: то платье, которое было на мне на фото. Белое, с тонкими ажурными рукавами...

Я быстро отыскала его и потянула на себя левый рукав. Прекрасно знала, что увижу там: зацепку на локте, которую посадила в тот же день, когда муж подарил мне этот наряд...

Полтора года назад

– Софи!

Голос Кира звучал повелительно, нетерпеливо. Я поспешно выглянула из кухни, испугавшись, что чего-нибудь стряслось, но вместо этого меня ждал сюрприз...

Через локоть мужа свешивалось несколько увесистых чехлов, с заключенными в них, явно не дешевыми нарядами.

– Я купил тебе кое-что, – пояснил он с горящими глазами. – Несколько платьев... Мне будет очень приятно, если ты станешь их носить. Примерь вот это, – потребовал следом, протягивая мне один из чехлов.

Я подошла, растерянно принимая из его рук подарок. Спросила неуверенно:

– Тебе не нравится, как я одеваюсь?

Он недоуменно моргнул.

– Что? Не в этом дело! Я просто увидел эти платья и... мне безумно захотелось, чтобы ты их надела.

Я бережно прижала к себе чехол, все еще не зная, как на это реагировать. Впрочем, я знала другое – я готова на все, чтобы ему угодить.

– Ладно, – ответила с улыбкой и в его глазах снова вспыхнули эти алчные язычки пламени, так хорошо мне знакомые... и желанные.

Я направилась в спальню и с удивлением услышала позади его шаги.

Уже переступив порог, обернулась...

– А ты?..

– Я хочу посмотреть, – хрипло пробормотал он и в его взгляде горело такое вождение, что я не сумела бы что-то возразить, даже если бы захотела.

И, как это всегда бывало, его желание мгновенно перетекло в меня, его огонь зарождал внутри меня ответный пожар...

Чувствуя себя ужасно развратной, я скинула с себя джинсы и футболку, стоя к нему спиной и всей кожей ощущая при этом на себе его взгляды – жадные, нетерпеливые, сводящие с ума...

Прежде, чем натянуть на себя новое платье, по привычке стала искать на нем бирку и... не нашла.

– Кир, – нахмурившись, оглянулась через плечо. – На платье нет бирки...

– Я ее уже сорвал, – последовал короткий ответ.

– Но... как же... а если оно мне не подойдет?

– Оно подойдет, – отрезал он с непоколебимой уверенностью.

И был прав.

Я надевала платье неторопливо, пытаюсь играть в игру, в которой не имела никакого опыта. В соблазнение. Поддразнивание. Искушение...

Кружевная ткань мягко скользила по телу, задевая пылающую кожу, делая ощущения от происходящего еще острее, еще более болезненно-приятными...

– Застегнешь мне молнию? – выдохнула чуть слышно, но Кирилл оказался рядом мгновенно.

Провел горячей ладонью по лопаткам и ниже, сжал крупными, сильными руками талию...

И сорвал с меня платье ко всем чертям.

В настигшем нас безумии смешалось все. Я пылала в его руках, стремясь только к одному: близости желанного тела, к ощущению его губ на моих губах и коже...

И впоследствии никак не могла вспомнить, когда успела посадить на совершенно новом платье уродливую зацепку?..

Я бережно погладила мягкое кружево, вынырнула из приятных воспоминаний и... сорвалась с места.

Я бежала на кухню. Мне нужно было вновь увидеть это фото...

Была ли на нем та зацепка на рукаве?.. Я не помнила. Но мне нужно было знать...

Альбома не оказалось там, где я видела его в последний раз. Я поспешно обшарила всю кухню, заглянула в гостиную... даже поднялась на чердак, боясь того, что в очередном приступе беспамятства унесла альбом обратно туда...

Уже отчаявшись, скорее на автомате заглянула в кабинет мужа. И потрясенно замерла, обнаружив фотографии в ящике его стола...

Что они делали здесь? Зачем он их унес? Или это сделала... я сама?..

Отбросив эти вопросы на время, я вытянула одну из фотографий, на которой было видно рукава платья, и пристально в нее вгляделась...

Сердце упало. Ухнуло прямо в ноги, оставив в груди только ощущение безнадежности.

Я позировала в пол-оборота. На кадре, где я была запечатлена по пояс, с поднятой вверх рукой, прекрасно просматривалась проклятая зацепка на левом рукаве...

Значит, это действительно была я.

С внезапной злостью на себя подумала: а на что я вообще рассчитывала? Как объяснила бы себе всю эту ситуацию, не оказись там дурацкой зацепки? Убедила бы себя, что на фото – мой двойник? А что дальше?..

От того, в какую сторону свернули мысли, стало еще страшнее. Я забросила фото обратно в ящик и прерывисто, нервно выдохнула.

Почему меня вообще беспокоило это платье? Не было ведь никаких разумных предпосылок к тому, чтобы искать в какой-то зацепке на рукаве ключ к собственному безумию...

Скорее, мое поведение его только подтверждало. И я понятия не имела, как мне теперь с этим жить...

Глава 9

Горячая кружка, наполненная ароматным чаем с нотами бергамота и кардамона, грела заледеневшие, продрогшие руки, но не способна была ни согреть, ни успокоить душу.

Погода, словно в унисон с моим состоянием, не задалась с самого утра. Июньский день выдался холодным и промозглым; за окном неистовствовал ветер, яростно хлеставший кухонное окно ветками росшей под ним вишни. Дождь зло бился о стекла и крышу, будто, как и я, не мог найти себе ни в чем покоя.

Я не столько пила чай, сколько пыталась обрести утешение и поддержку в привычных вещах. В любимой керамической кружке с рисунком в виде сердечка. В удобном плетеном кресле, повернутом к панорамным окнам так, чтобы можно было видеть сад. В обожаемом запахе кардамона и мягкости домашнего свитера...

Я цеплялась за все эти мелочи, отчаянно пытаюсь найти в них себя саму. Ведь я помнила все эти вещи, которые любила. Но не помнила других, которые делала...

– Ну и погода, – раздался позади неодобрительный голос мужа.

Как и всегда, я почувствовала его близость всей кожей: не видела, но знала, что он стоит сейчас на пороге кухни и сурово хмурит брови, словно желает так выказать силам природы свое недовольство их поведением. Замерев, я слушала, как он неторопливо подходит ближе. Вздрыгнула, когда его сухие, горячие губы коснулись обнаженной кожи там, где с плеча сполз свитер...

– Как ты? – спросил он и в голосе проступили мягкие, обволакивающие нотки.

Как же трудно было не позволить себе растаять от этих звуков, этих прикосновений...

– Почему те фото у тебя в кабинете? – спросила вместо ответа, пряча за напускной резкостью свою растерянность, свою беспомощность.

– О чем ты? – откликнулся он вопросом на вопрос, и теперь голос его звучал скребуще-сухо.

– Я хотела увидеть их еще раз. Помнила... как это ни смешно, но помнила, что оставила альбом на кухонной столешнице. Почему ты забрал эти фотографии?

Он ответил не сразу. И чем дольше молчал, тем мучительнее, тяжелее становилось у меня на душе. Хотя я и не могла объяснить себе причин этого чувства.

– Эти фото расстроили тебя, – сказал наконец Кирилл. – И я просто убрал их подальше.

– В свой стол? – вырвалось с неясным мне самой осуждением.

– Они мне нравятся.

Его простое объяснение выбило из моих легких весь воздух, а заодно – и последние силы из меня самой.

Я отставила кружку на небольшой столик рядом, уронила голову на руки...

– Родная, ну в чем дело?

Сильные, надежные руки обхватили меня за плечи, крепко прижали к стальной груди. Я вобрала в себя его знакомый, любимый запах... и просто позволила себе расслабиться. Поверить хотя бы на несколько мгновений, что ничего не происходит... что все как раньше. Хорошо. Фантастически-сказочно.

Неужели это безумие – расплата за то, что хоть немного побыла счастливой?..

– Знаешь что? – решительно заявил муж, аккуратно отстраняя меня, но не выпуская из своего захвата моих рук. – Почему бы нам не поехать сегодня по магазинам? купишь себе и Лили что-нибудь новое, поднимешь настроение...

– В такую погоду? – шмыгнула носом в ответ.

– Ну, мы же будем ходить по магазинам, а не по улице, – улыбнулся муж. – Так что давай, собирайся! Выезжаем через полчаса.

Он говорил об этом, как о деле решенном, и я не стала возражать. Хотя и предпочла бы провести этот день просто вместе...

Несколькими часами позже мы, совершенно усталые, но вполне довольные, грузили пакеты с многочисленными покупками в машину. И тут я вдруг вспомнила, что забыла купить кое-что...

– Кир, – окликнула мужа неуверенно. – Мы за косметикой не зашли. Совсем из головы вылетело...

Мы оба, как по команде, оглянулись на торговый центр, на углу которого и красовалась вывеска нужного мне магазина.

Муж озвучил то, о чем думала и я сама:

– Сбегай, если хочешь. Мы с Лили подождем в машине.

Я снова кинула взгляд на магазин. Дождь продолжал идти, но уже не такой сильный, превратившись скорее в морось.

Наконец я решилась:

– Ладно. Я быстро.

Впоследствии я не могла себе объяснить, что побудило меня вдруг на полпути к магазину встревоженно обернуться. Несмотря на дурную погоду, прохожих на

улице было немало, они спешно сновали по тротуару, укрывшись зонтами, не отвлекаясь ни на что вокруг, но мое внимание привлекла вдруг одна фигура...

Человек был облачен во все черное. Лицо невозможно было разглядеть за полями бейсболки и высоким воротом плаща, глаза были скрыты за солнечными очками, что казалось несколько странным в такой день...

Не знаю, действительно ли я ощутила на себе чужой взгляд или это было следствием моей паранойи, но что-то заставило меня прибавить шаг. Обернувшись снова через сто метров, я с ощущением холода, пробежавшего по позвоночнику, обнаружила, что фигура следует за мной – на таком расстоянии, чтобы не слишком приближаться, но и не отставать. Безумная мысль, что меня преследуют, подтолкнула к тому, чтобы свернуть с первоначального маршрута и нырнуть в малолюдный переулок...

Дождь вновь усилился, а с ним вместе нарастал внутри меня и липкий, безумный страх... Я упрямо шагала по мокрой брусчатке, чувствуя как звук собственных шагов бьет по вискам... или это кровь стучала в голову?..

Мне нужно было оглянуться. Просто оглянуться, чтобы понять – мне лишь померещилось, будто кто-то за мной гонится. Такое простое действие – всего-то повернуть шею, но мне на него понадобились все силы...

Резко развернувшись, я буквально столкнулась лицом к лицу со своим преследователем. Не ожидая от меня такого маневра, фигура вздрогнула и вскинула голову, до этого вжатую в плечи. Обнажился подбородок: точеный, гладкий, слишком изящный для мужчины... и будто даже смутно мне знакомый...

Долго не думая, я подскочила ближе и одним резким движением сбила с человека бейсболку. Густые светлые волосы мгновенно рассыпались по плечам, повергая меня в неясную дрожь. Воспользовавшись замешательством женщины, застигнутой врасплох этим нападением, я сорвала с нее очки и...

Крик ужаса застрял в горле.

На меня смотрело мое собственное лицо.

Только уже не с фотографии...

Глава 10

В это невозможно было поверить.

Я застыла: пораженная, обескураженная, онемевшая. И этих мгновений промедления, порожденного шоком, хватило, чтобы незнакомка сорвалась с места и скрылась из вида. Это произошло так стремительно, что секунду спустя я уже не была уверена, что все случившееся мне просто не померещилось.

Я стояла, словно прилипнув к месту, не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой, едва в состоянии дышать. Что это было?.. И почему... почему у меня перед глазами так и стоял тот момент, когда я увидела ее волосы?..

Точно такие же, как мои. Разве могут два человека быть настолько похожими? Цвет волос, их длина, даже форма стрижки: я словно смотрела не на другого человека, а на собственное отражение в зеркале!

Из груди вырвался жалобный, прерывистый вдох. А что, если так оно и было? Если вся эта сцена – лишь моя галлюцинация?

Но было что-то еще... какая-то картинка из прошлого завертелась в голове, посылая по телу нервную дрожь, выхолаживая нутро...

Я вспомнила.

Около двух лет назад

– Софи, ты сделаешь для меня кое-что?

Хриплый ото сна, и от этого еще более возбуждающий и сексуальный, голос Кирилла раздался за моей спиной. Я сидела перед зеркалом, за изящным туалетным столиком и расчесывалась, бережно пропуская сквозь пальцы темные шелковистые пряди. Волосы были моим явным достоинством: длинные, блестящие, густые...

Я повернулась к мужчине, у которого впервые провела ночь, и улыбнулась, не скрывая чувств, которые мной владели: нежности, смешанной с желанием. Желанием видеть его, слышать его, просто быть рядом... столько, сколько он позволит. Сколько буду ему нужна...

– Конечно, – ответила легко, нисколько не сомневаясь: я сделаю для него все.

Он передвинулся, сев на самый край постели, потянулся ко мне рукой. Я прикрыла глаза в ожидании, предвкушении его прикосновения, готовая замурлыкать, как кошка, от самой нехитрой ласки...

Его ладонь опустилась на мою голову, пальцы ласково коснулись волос. Он гладил, перебирал мои локоны так же, как это несколько секунд назад делала я сама. Но вот его рука замерла, а потом он неторопливо намотал на палец темную упругую прядь и выдохнул:

– Прекрась, пожалуйста, волосы...

Этого я не ожидала.

Немного помедлив, спросила:

– Тебе не нравится моя прическа?

Он улыбнулся и от кольнувшего сердце сомнения не осталось и следа. Как глупо задавать такие вопросы после всего, что происходило между нами прошлой ночью...

– Нравится. И ты... нравишься. Просто хочу увидеть, как ты будешь смотреться с другим цветом. Уверен, что тебе пойдет абсолютно все...

Он смотрел на меня так, что один лишь этот взгляд был способен подавить волю, подчинить себе – но вовсе не силой. Достаточно было лишь посмотреть ему в глаза, чтобы пожелать отдать все абсолютно добровольно. Всю себя...

– Ладно, – согласилась я и была тут же вознаграждена еще одной улыбкой. И сердце мгновенно забилось быстрее, разгоняя кровь и последние здравые соображения...

– Я запишу тебя к знакомому мастеру, – пообещал Кирилл. – Самому лучшему...

Почему я вспомнила об этом сейчас?..

Обезумевшая, дезориентированная, я чувствовала: это важно. Что-то крылось за этим воспоминанием: опасное, жуткое. Страхи и сомнения раздирали душу, и в этом состоянии я была просто неспособна облечь свои неясные, разрозненные мысли в какое-то логичное суждение. Но и забыть об увиденном не могла тоже.

Вдруг меня буквально подкинуло на месте, словно тело знало лучше разума, что нужно делать. Одеревеневшие конечности задвигались, завелись, как внезапно оживший двигатель, и вот я уже бежала обратно. К мужу... под надежную защиту его рук, гонимая потребностью рассказать кому-то об этой сумасшедшей встрече...

– А ты чего без всего? – спросил Кирилл, когда я резко приземлилась на соседнее сиденье. – Или не было нуж...

– Кир, выслушай! – перебила я его – возбужденная, запыхавшаяся. – Я встретила своего двойника!

Муж всегда умел владеть собой, но сейчас мышцы его лица содрогнулись, словно от резкого приступа боли.

– Что за ерунда? – бросил он резко, почти грубо.

Я принялась объяснять – по большей части сумбурно, но настолько внятно, насколько вообще была сейчас способна.

– Я шла к магазину... и вдруг мне почему-то захотелось обернуться... за мной шел кто-то – весь в черном, в темных очках на пол-лица... Мне показалось, что за мной следят! Я свернула в переулок, снова оглянулась – человек шел за мной! И тогда я... напала... сорвала очки, бейсболку и увидела свою точную копию! Кир, у нее даже волосы точно такие же! Как это возможно?!

Я и сама не знала, какой ответ хочу получить, но точно не была готова к тому, что муж скажет:

– Это невозможно. Соф... тебе, наверно, просто почудилось, что вы похожи.

Я яростно замотала головой:

– Я не сумасшедшая!

– Я этого и не говорил... а где эта женщина сейчас?

– Она сбежала!

Муж посмотрел на меня так, словно действительно стал сомневаться в моем психическом здоровье.

– Возможно, тебе просто показалось, что тебя преследовали. Она шла по своим делам, а ты напала на нее, напугала...

Я его уже почти не слушала. Вцепившись пальцами в его руку, пробормотала:

– Я могу доказать! Это все правда! Она сбежала, но ее бейсболка и очки все еще там! Идем!

Я потянула мужа на себя с силой, свойственной одержимости. Мне так важно сейчас было показать ему: это никакие не игры моего воображения. Я нормальная... нормальная!

– Идем, – повторила, уже балансируя на грани истерики.

– Хорошо... я иду, иду!

Муж освободился от моего захвата, поудобнее устроил в своих объятиях Лилиану и вышел из машины. Я выскочила следом, думая только о том, чтобы поскорее оказаться на том месте, чтобы он увидел все сам и понял... понял, что я не рехнулась!

– Скорее, скорее, – торопила я его, почти перейдя на бег.

Мы вошли в переулок, я кинулась к тому месту, где столкнулась с незнакомкой и замерла, парализованная.

– Ничего нет... – вырвалось едва слышно.

Я затравленно огляделась по сторонам: нет, все верно. Переулок тот самый... вот обувная мастерская, вот черный вход ресторана... но вещей, брошенных моим двойником, здесь не было.

Я стояла, дрожа всем телом. Ощувив потребность в опоре, прислонилась к стене. Слова застряли в горле, голова кружилась...

Словно сквозь слои ваты до меня вдруг донесся голос мужа:

– Софи... похоже, нам действительно пора обратиться к серьезным специалистам.

И в этот миг, окончательно лишившись сил, я сползла по стене вниз и разрыдалась.

Глава 11

– Софи, ну что с тобой такое?

Длинная тень нависла над столом, за которым я сидела, почти закрыв собой искусственный свет люстры. Я подняла глаза и встретила взглядом с мужем. Подумала вдруг: так ведь можно охарактеризовать и всю мою нынешнюю жизнь. Кирилл поглощал меня полностью; я никого и ничего, кроме него и не видела с тех пор, как мы встретились. Он стал единственным светом, единственным ориентиром, заслонив собой все прочие цвета и краски.

И меня это устраивало. До этого дня. Когда он во мне засомневался...

И все же привычка, потребность быть с ним честной и откровенной, заставила меня сказать:

– Что со мной? Мой собственный муж, самый близкий мне человек, считает меня ненормальной. Вот что со мной.

Слова прозвучали поразительно спокойно, словно во мне больше не осталось сил даже на эмоции. Но внутри болело. Внутри я кричала.

– Это не так.

Он присел рядом, протянул ко мне руку и накрыл своей ладонью мою. Я зажмурилась, отдаваясь этому ощущению: теплу, которое исходило от его кожи; обманчивому моменту близости между нами...

Где-то на фоне едва слышно, словно бы нехотя, двигались стрелки настенных часов. Помимо этого робкого звука, ничто не нарушало тишины кухни, но эта тишина говорила больше иных слов...

В ней скопились, сконцентрировались все вопросы, все недоверие, все отчаяние, невидимыми тенями стоявшие между мной и тем, кому так абсолютно верила.

– А как? – наконец разорвала я молчание первой. – Ты мне не поверил. Ты хочешь, чтобы я лечилась...

Нет, я и сама хотела того же. Хотела понять, что со мной происходит. Но не была готова к тому, что на пути к собственному разуму потеряю мужа. В момент, когда мне так безумно нужна была его вера в меня. В то, что со мной все в

порядке.

– Софи, я не считаю тебя больной, – его пальцы сомкнулись на моем запястье, словно хотели пробудить во мне импульс, словно искали жизнь. – Но вся эта история с провалами в памяти плохо на тебе отражается. В таком состоянии неудивительно, что тебе мерещится всякое...

Я с силой выдернула руку из плена его пальцев.

– Ты что, психолог, чтобы ставить мне диагнозы и делать такие выводы? – сорвалась неожиданно. – Откуда тебе знать, что мне это всего лишь померещилось? Тебя там не было!

Он взглянул на меня и от выражения его глаз сердце мое мучительно, разочарованно заныло. Он смотрел сочувственно, почти с жалостью. Так, как никогда прежде.

– Я иду спать, – бросила коротко и, не оглядываясь, направилась в спальню.

Но боль и обида неукоснительно шли за мной по пятам.

Следующий день начался для меня довольно поздно.

Когда я открыла глаза, солнце зло ударило мне в лицо, вынуждая зажмуриться от боли. Закрывшись от него рукой, я наощупь искала на столике телефон, чтобы узнать, сколько сейчас времени...

Одно неловкое движение – и я смахнула смартфон на пол. Послышался жуткий треск, заставивший меня мгновенно распахнуть глаза шире и подскочить в постели...

Свиснув с кровати вниз, я подобрала телефон с пола. Весь его экран был покрыт множеством уродливых трещин. В приступе отчаяния я потыкала в экран пальцем, понажимала боковые кнопки... но он остался все таким же черным и безучастным.

– Черт, – выругалась с досадой.

С этим что-то нужно было делать. Но сначала следовало заглянуть к дочке. Так странно, что она до сих пор меня не разбудила...

Сердце забилося вдруг чаще, тревожнее. Я выскочила из спальни и почти бегом направилась к соседней комнате. В голове мелькали идиотские, но пугающие мысли: а что, если Лили там нет? Вдруг Кирилл решил изолировать меня от нее?..

Вздых облегчения вырвался из груди, когда я распахнула дверь и увидела, что Лилиана мирно играет на ковре; рядом с ней сидела, приглядывая, Мария.

– Проснулись? – улыбнулась она мне приветливо.

– Который час? – хрипло выдохнула в ответ, пытаясь унять дрожь во всем теле. От пережитого страха, от облегчения, что все чудовищные мысли оказались лишь моей паранойей.

– Скоро уж двенадцать.

– Кошмар... как я могла так проспать?..

– Кирилл Андреевич позвонил мне с утра и попросил приехать, чтобы приглядеть за Лилианой. Сказал, что вам нужно выспаться.

– Вот как...

Несомненно, муж этим поступком проявил обо мне заботу. В этот момент мне стало стыдно за брошенные ему вчера злые слова. Он ведь имел право беспокоиться. В последнее время я не доверяла сама себе, так как можно было требовать этого от кого-то другого?..

– Мария, вы не посидите с Лили еще минут пять? Я разбила телефон. Хочу найти какой-нибудь старый, чтобы быть на связи.

– Насколько помню, у вас в гостиной, в нижнем ящике тумбы настоящее кладбище старых аппаратов, – подсказала с улыбкой помощница.

– Точно. Спасибо. Я скоро.

Я быстро спустилась вниз и прошла к нужному месту. Выдвинула ящик и уставилась на несколько старых моделей смартфонов... из всего, что тут имелось, самым приличным был позапрошлый айфон Кирилла. Его я и взяла.

Не отходя далеко, я попыталась включить смартфон, чтобы убедиться, что он в рабочем состоянии. Когда айфон загрузился и на его экране появилась заставка, я выдохнула с облегчением.

Чтобы проверить функциональность, потыкалась в различные приложения и попала в раздел фото. Уже хотела закрыть эту вкладку, когда вдруг мое внимание привлекло нечто знакомое...

Мозг не сразу осознал, что видят глаза, но по душе мгновенно пробежал холодок...

Те фотографии. Из альбома. На старом телефоне Кирилла...

Я лихорадочно попыталась сопоставить даты. Он избавился от этой модели вскоре после того, как мы начали встречаться. Этих кадров просто не могло быть на этом телефоне. Физически не могло!

Трясущимся пальцем я нажала на одну из фотографий, присмотрелась... Сомнений не было: это та самая. Не давая себе времени засомневаться, передумать, я нажала на вкладку «сведения» и буквально окаменела.

Судя по дате, фото было сделано еще до нашей встречи с мужем. Это никак не могла быть я...

А значит...

От всего, что это могло означать, готова была разорваться голова. Я схватилась за волосы, панически заметалась по комнате из угла в угол...

Первый порыв – позвонить мужу и попросить все объяснить, усилием воли я отмела. Как ни было страшно и горько это признавать, но он – не тот, с кем мне стоило сейчас делиться этой находкой.

Рухнув на диван, я сжала трещащую голову руками, будто пытаюсь таким образом удержать на месте свой разум. Тысячи мыслей мелькали в голове, тысячи подозрений сводили с ума и... тысячи фактов вдруг вставляли на свои места, но вместе с тем... признать их – значило во мгновение ока разрушить всю свою жизнь.

Я жалобно всхлипнула, не зная, что мне делать. У кого спросить совета... с кем хотя бы просто поговорить!

И вдруг вспомнила того психолога. Вспомнила тот странный разговор с ним... И поняла.

Поняла, что не задала ему одного важного, весьма очевидного вопроса.

Сама не зная, как, я нашла в себе силы встать. Поднялась по лестнице – так тяжело, трудно, словно восходила на Эверест. Войдя в спальню, так быстро, как могла, переставила в старый айфон Кира свою сим-карту и, отыскав в интернете нужный телефон, спешно набрала номер...

– Приемная доктора Фурмана, – откликнулся знакомый женский голос.

– Мне нужно на прием ко Льву Константиновичу, – протараторила я. – Скажите ему, что это... Баженова и дело очень срочное. Когда он сможет меня принять?..

Глава 12

– Доктор Фурман, спасибо, что согласились встретиться со мной... так скоро.

Я немного задержалась у двери, свежим, отстраненным взглядом обводя кабинет психолога. И снова пришла к прежнему выводу: я никогда не была здесь

прежде. До прошлого раза.

Голубые глаза требовательно, необоримо притянули к себе мои, как железо неизбежно притягивается магнитом. Я смотрела на Льва так же, как и он на меня: изучающе, настороженно, но с неприкрытым интересом. Внутри снова шевельнулось ощущение, что он хорошо знал ту, кого во мне видел. Слишком много чувств таилось за прозрачными линзами очков. Слишком сильных чувств, чтобы их можно было скрыть даже тому, кто видел других насквозь.

Именно поэтому я и рассчитывала на то, что он захочет увидаться в этот же день, когда я ему позвонила. Он был ключом к той двери, за которой пряталось все сокрытое от меня, все странное и непонятное...

И, как бы ни было мне страшно, я собиралась распахнуть эту дверь как можно скорее.

– Присаживайтесь, – вежливо предложил Лев, кивая на кресло.

Я крепче сжала в руках сумочку, словно это не я держала ее, а она способна была сейчас удержать меня.

Мне понадобилось все мужество, все силы, чтобы прийти сюда. Чтобы облечь внезапно нахлынувшие подозрения в слова. Чтобы узнать правду, которая может стать началом конца.

И все же я предпочитала определенность бесконечным страхам.

Расправив плечи, я присела напротив психолога, держа спину гордо и прямо. Еще не знала, кто передо мной – друг или враг – но понимала, что не должна показывать своей слабости.

– Вы попросили срочно принять вас, – неторопливо проронил Лев. – Что-то случилось? Вам стало хуже?

Я сцепила челюсти, сделала потайной вдох и так твердо, как только могла, ответила:

– Простите, доктор, но сегодня вопросы задавать буду я.

Его брови удивленно поползли вверх. Он явно не ожидал от меня ни этих слов, ни этого тона. Или это было несвойственно той, другой женщине, которую он во мне видел?..

Но вот удивление на его лице сменилось одобрительной усмешкой и, с обманчивой расслабленностью откинувшись на спинку кресла, он проговорил:

– Что ж, задавайте.

Я начала сразу с главного.

– Вы говорили, что я бывала у вас на приеме раньше. И не раз, верно?

Его взгляд заскользил по мне: насмешливый, чувственный, лишившийся всякого притворства и попыток держать себя, как профессионал. Он смотрел на меня, а у меня по коже бежал мороз от осознания, что видел при этом он другую.

– Много. Много раз. И тебе ведь это прекрасно известно, – со значением протянул он.

Много раз... Нет, я никак не могла бы забыть человека, которого видела не единожды. Последняя, нелепая надежда на то, что у меня действительно могли быть провалы в памяти, рассеялась. Да, теперь меня больше пугало не то, что я могла быть больна, а то... что моя жизнь была вовсе не моей.

– Когда это было? – выдохнула через силу, уже понимая, что сейчас наверняка услышу.

– Чуть больше двух лет назад.

Я прикрыла глаза, ощущая, как их начинает щипать от слез, готовых покатиться по щекам. А когда открыла их вновь, обнаружила, что Лев стоит рядом. Нет, не просто рядом. Он склонился ко мне, оказавшись так близко, что между нашими лицами оставалась лишь пара сантиметров.

Я не успела ни отстраниться, ни сказать что-либо. Он одним резким движением сорвал с себя очки, отбросив их куда-то на стол; а затем его губы внезапно врезались в мои. Широкая ладонь обхватила затылок, прижимая к себе еще теснее; поцелуй был требовательным, грубым, но одновременно – о чем-то молящим...

Я не сопротивлялась. Не мешала ему искать во мне то, чего найти он никак не мог.

С глухим стоном он прикусил мою губу, провел по ней языком, толкнулся мне в рот и... замер.

Прошло несколько мучительных секунд перед тем, как он поспешно отстранился и потрясенно на меня уставился.

– Ты не Юля... – выдохнул неверяще, почти испуганно. – Но... как?

Юля... снова это имя. Именно так называл меня недавно Тимур. Именно так, очевидно, звали ту, чьим подобием я была.

– Нет, я не Юля, – подтвердила холодно. – И я вам об этом уже говорила.

– Как это возможно?... – повторил он, растерянно взъерошив волосы.

– Мне тоже интересно. Но для начала... я хочу, чтобы вы рассказали мне об этой Юле.

Отчего-то ее имя было безумно трудно произносить; всего три буквы, но они перекатывались на кончике языка как неподъемные, тяжелые камни.

Лев помолчал некоторое время прежде, чем отвернуться и сказать:

– Не думаю, что должен говорить с вами о ней.

Я пожала одеревеневшими, непослушными плечами:

– Может, и не должны. Но вы могли бы помочь... если бы захотели. Тем более, что я знаю уже слишком много, чтобы был смысл что-то от меня скрывать. Вы ведь даже не удивились, увидев меня. Вы знали, кто мой муж, но приняли меня за другую женщину...

Губы против воли изогнулись в горькой, болезненной усмешке, выдавая мою слабость, мою уязвимость.

– Нетрудно догадаться, что эта Юля – бывшая жена моего мужа. Ну а я...

Я развела руками, давая понять, что со мной все ясно и без лишних слов.

– А что насчет вас, доктор? – продолжила настойчиво. – Какова ваша роль во всем этом?

Он стоял ко мне спиной, но в этот момент обернулся. В голубых глазах сверкнули молнии, голос стал резким, громоподобным, когда он коротко бросил:

– Уходите!

Я поднялась со своего места, приблизилась к нему сзади, уставилась в широкую, неприступную спину...

– Кирилл знал о вас?

– Я же сказал – уходите!

Я бросила на него взгляд, полный сожаления. Он был подобен раненому зверю – кровоточил изнутри, но был слишком горд, чтобы это показать и признать. И все же его молчание было куда красноречивее, чем так и не сказанные слова.

– До свидания, – попрощалась коротко, прежде, чем выйти из кабинета, оставляя Льва наедине с его болью и унося в себе свою собственную.

– Где ты была?

Голос Кирилла не прозвучал – прогремел в темноте гостиной, заставив меня невольно вздрогнуть.

Я прищурилась, когда по глазам ударил свет ночника – такой же внезапный и резкий, как тон, которым встретил меня муж.

Он сидел на диване, небрежно положив одну руку на подлокотник, вся его поза была пропитана обманчивой расслабленностью, но стоило только поднять глаза и увидеть его лицо...

Нет, не лицо. Кем-то выточенная, жесткая маска. Я десятки раз наблюдала, как муж обращается с таким выражением, таким тоном, к провинившимся подчиненным, но никогда еще не испытывала этого пугающе-сдержанного, ледяного гнева на себе.

Мне стоило немалых усилий не стушеваться, не поникнуть под этой силой, этой властью, не начать просить прощения...

Только воспоминания обо всем, что узнала, только чувство, что была добровольной игрушкой в его руках удерживали меня на плаву. Обида и боль разъедали изнутри, но помогали держаться внешне.

– У врача, – ответила коротко и, кинув сумочку на кресло, попыталась пройти мимо Кирилла в спальню.

Его пальцы-цепи сомкнулись на моем запястье, приковали к месту, как безвольную куклу. Марионетка – вот кем я была для него все это время. Хватало лишь легкого касания, чтобы я готова была делать все, что только пожелает хозяин.

Прежде, но не теперь.

Я попыталась вырвать руку и испытала торжествующее довольство, когда в глазах его мелькнуло удивление. Он к такому совсем не привык...

– Пусти, мне больно, – обронила сухо, когда так и не сумела освободить руку из его плена.

Мгновение промедления – и его пальцы все же разжались. Но отпускать меня Кирилл вовсе не собирался.

Он встал со своего места, снова накрывая мою хрупкую на его фоне фигуру своей тенью, своей силой. Недовольно выдохнул:

– Будь добра, объясни, где ты была. У какого еще чертового врача в такое время?

Его взгляд красноречиво опустился на часы. Да, к подобному он не привык тоже. Я всегда была дома. Всегда его ждала. Не наоборот.

– Ну, ты ведь хотел, чтобы я лечилась, – ответила спокойно. – Вот я и пошла лечиться.

– Без меня?

– А разве мне пять лет, чтобы везде ходить везде только в чьем-то сопровождении?

Нет, я вовсе не хотела доводить дело до ссоры. Не сейчас, когда еще не осознала в полной мере, что происходит. Когда не разобралась до конца в ситуации, в которую без собственного согласия угодила. Но и делать вид, что ничего не происходит, что все у нас, как прежде, оказалось для меня вдруг непосильной задачей.

Кирилл перехватил мой взгляд и что-то там, в глубине моих глаз, внезапно заставило его отпрянуть. Отступить.

– Я ничего не понимаю, Софи, – произнес он уже мягче. – Ты оставила Лилиану, ушла без предупреждения из дома, не отвечала на звонки... Это все странно, не находишь?

– Я оставила дочь с Марией. Не отвечала, потому что на приеме неприлично пользоваться телефоном.

– Но на часах почти десять вечера! Ни один врач не работает в такое время!

– Как видишь, работает.

– Или ты мне лжешь.

Это обвинение было произнесено им, как приговор. Каждое слово – словно удар молотка. Вот только не ему было упрекать меня во лжи. Не тому, кто обрек меня на жизнь, в которой правды вообще, похоже, не было.

– Не лгу, – откликнулась коротко. – Можешь спросить у доктора Фурмана.

Я развернулась было, чтобы уйти, но сильные руки легли на мои плечи, повернули к себе...

– Зачем ты снова ходила к нему?

– А почему нет? Я ведь уже бывала у него. Он в курсе ситуации. Логично продолжить лечение у него, разве нет?

– Я не хочу, чтобы ты его посещала.

– А мое мнение тебя не волнует?

– Софи...

– Кирилл, я иду спать... Очень устала сегодня.

Его руки мгновенно покинули мои плечи. Но прежде, чем я успела отступить, муж порывисто притянул меня к себе, впиваясь в губы горячим, как раскаленное клеймо, поцелуем. Словно ставил на мне печать принадлежности себе.

– Спокойной ночи, – шепнул прямо мне в губы и отпустил так резко, что я пошатнулась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/born_ameliya/ona-ne-ya

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)